

И.В. Руднева

ХОРВАТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

конец 1960-х

начало 1970-х гг.

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6
P83

Отв. редактор:
доктор исторических наук *Е.Ю. Гуськова*

Рецензенты:
доктор исторических наук *П.А. Искендеров*
кандидат исторических наук *Н.В. Бондарев*

Руднева И.В.

P83 Хорватское национальное движение в конце 1960-х — начале 1970-х годов. М. : Институт славяноведения РАН; СПб. : Нестор-История, 2014. — 332 с.

ISBN 978-5-4469-0315-3

Тема исследования связана с событиями в Социалистической Республике Хорватии в конце 1960 — начале 1970-х гг. В центре внимания автора сложное и неоднозначное общественно-политическое явление, известное в историографии как «Маспок» (Masovni pokret, в переводе с хорватского языка — массовое движение), «хорватская весна» или «массовое движение». Книга охватывает период с 1967 по 1971 гг. Хронологические рамки исследования обусловлены конкретными событиями, положившими начало и завершившими хорватское «массовое движение». В марте 1967 г. была опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», которая отразив хорватскую национальную идею, способствовала активизации всех общественных и политических сил в Республике. Верхний рубеж исследования — 1971 г., когда движение было свернуто после отставки руководства Республики и в ходе последовавших за ней массовых репрессий. Работа будет интересна студентам ВУЗов, занимающимся историей стран бывшей Югославии, ученым, изучающим данный регион и период, а также широкому кругу читателей, интересующимся новейшей историей Балкан.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-4469-0315-3

© Институт славяноведения РАН, 2014
© И.В. Руднева, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Тема исследования связана с событиями в Социалистической Республике Хорватии в конце 1960 — начале 1970-х гг. В центре внимания сложное и неоднозначное общественно-политическое явление, известное в историографии как «Маспок» (Masovni pokret — хорватизм, в переводе с хорватского языка — массовое движение, «хорватская весна» или «массовое движение»). Понятие «Маспок» утвердилось во второй половине 1970-х гг., оно носило негативный оттенок, подразумевая хорватский «национализм». Очень часто, говоря об этом периоде, добавляют «так называемый «Маспок», это объясняется тем, что данное понятие в полной мере не устраивает исследователей, поскольку оно сильно политизировано. В начале 1990-х гг. стали говорить о «хорватской весне». Многие участники хорватского движения в это время вернулись на политическую сцену, и им было выгодно связать свои действия в прошлом с общеевропейскими тенденциями, предстать перед хорватской общественностью в роли смелых реформаторов и борцов за демократические ценности. Однако исторические предпосылки, причины, ход, этапы, содержание, участники и последствия событий в Чехословакии 1968 г. и в Хорватии в конце 1960-х — начале 1970-х гг. разные.

Стихийно возникшее в кругу непосредственных участников событий и закрепившееся в историографии терминологическое понятие «массовое движение» является на самом деле достаточно условным и не отражает всей сути явления. Прежде всего, движение не было массовым, имело сложную конфигурацию, неоднозначные проявления. Указанное понятие также не определяет национальный характер исследуемого нами явления. Но поскольку в историографии дефиниция «массовое движение» утвердилась достаточно прочно, а поиск новой терминологии пока не закончился, в книге использовалось

понятие «массовое движение», под которым понимается лишь национальный импульс, который хотя и закончился поражением, но имел важное значение для окончательного завоевания Хорватией независимости. При этом, желая подчеркнуть национальную составляющую движения, в зависимости от содержания материала, автор позволяет себе использовать и более широкое понятие «хорватское национальное движение» применительно к периоду с конца 1960-х до начала 1970-х гг.

В социалистической Югославии с начала 60-х гг. XX в. развернулся поиск универсальной экономической и политической модели, системы общественных отношений, определявшихся впоследствии как «самоуправление». Исследователи много внимания уделяли развитию этой системы во всех сферах жизни, однако практически не изученными остались межнациональные отношения, а также противостояние республик и союзного руководства в 1960–1970-е гг. Это было связано как с закрытостью архивных материалов, так и с господствовавшей в исторической науке исследовательской парадигмой, в соответствии с которой взаимоотношения наций и народностей в социалистическом обществе представлялись бесконфликтными, а любые возникавшие сложности объяснялись действиями контрреволюционных сил. Позже события социалистического периода отошли на второй план из-за кризисных явлений 1990-х гг.

А между тем исследуемые в монографии события не только имели сложный и многоплановый характер, но и оказали влияние на последующее развитие Хорватии и СФРЮ в целом. Именно на рубеже 1960-х -1970-х гг. мы наблюдаем возникновение и развитие в Хорватии движения со своей внутренней структурой, признанными лидерами и оппозицией, конкретными целями и программами. Благодаря архивным материалам, новым опубликованным документам, воспоминаниям участников, появилась возможность установить причины и проанализировать предпосылки возникновения в недрах социалистической системы хорватского «массового движения», более детально изучить все обстоятельства, связанные с событиями конца 1960-х — начала 1970-х гг.

Целью исследования является изучение общественного и политического феномена хорватского национального движения конца 1960-начала 1970-х гг. в Социалистической Республике Хорватии.

Для достижения указанной цели исследования предполагается решить следующие задачи:

- изучить исторические предпосылки «массового движения», причины и условия возникновения;
- определить его этапы;
- проанализировать цели, задачи, программы движения и показать, как они реализовывались на практике;
- исследовать роль хорватского партийного руководства в движении, а также позицию лидеров страны;
- установить причины свертывания «массового движения», его последствия и роль в развитии всего хорватского национального движения.

Монография охватывает период с 1967 по 1971 гг. Хронологические рамки исследования обусловлены конкретными событиями, положившими начало и завершившими хорватское «массовое движение». В марте 1967 г. была опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», которая отразив хорватскую национальную идею, способствовала активизации всех общественных и политических сил в Республике. Верхний рубеж исследования — 1971 г., когда движение было свернуто после отставки руководства Республики и в ходе последовавших за ней массовых репрессий.

В российской исторической науке данная тема не исследовалась. Югославскими историками она затрагивалась лишь частично. В научных работах можно найти описание или упоминание разрозненных событий этого периода, чаще в контексте исследований других тем. Поэтому вопрос «массового движения» в Хорватии заслуживает отдельного исследования.

Историография. В работе над книгой автор опирался на существующую научную литературу, работы югославских (хорватских, сербских), отечественных и западных ученых. Отличительной чертой историографии по данной теме является внимание исследователей к отдельным аспектам хорватского «массового движения»: взаимоотношениям внутри СКХ (Союза коммунистов Хорватии), деятельности Матицы хорватской (МХ), роли периодических изданий в тот период. В меньшей степени исследовались студенческое движение и хорватская политическая эмиграция. В изучении хорватского «массового движения» можно выделить несколько периодов:

оценки событий высшим партийным руководством в 1970-е гг., сделанные по горячим следам событий; попытки осмысления произошедшего в 1980-е гг., прежде всего, теми, кто имел к ним непосредственное отношение; активизация исследований в начале 1990-х гг. в целях аргументации закономерности распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ); новый всплеск интереса к исследуемой теме с середины 1990-х — по настоящее время, особенно в Хорватии и Сербии. На этом этапе у ученых появилась возможность изучать архивные материалы, относящиеся к событиям в Хорватии в 1960–1970-х гг., опубликованы воспоминания участников хорватского «массового движения».

Оценки хорватского «массового движения» сербскими и хорватскими авторами отличаются многообразием и неоднозначностью. В 1970-е гг. преобладала официальная точка зрения, предложенная руководством страны. В феврале 1976 г. во всех центральных газетах было опубликовано интервью Президента СФРЮ И. Броз Тито шведской газете «Дагенс Нюхетер» о положении в стране и Союзе коммунистов Югославии (СКЮ) после XXI заседания Президиума СКЮ (декабрь 1971 г.)¹. Всю ответственность за события он возложил на часть руководства СКХ: «Оно разжигало самые опасные националистические и шовинистические тенденции и тем самым разрушало одно из самых больших завоеваний нашей революции — братство и единство наших народов»². В интервью И. Броз Тито назвал события в Хорватии «видом разрушительной деятельности». Эта одна из первых политических оценок хорватского «массового движения». В вышедшей в 1976 г. *«Истории Союза коммунистов Югославии»*³ содержалось лишь лаконичное упоминание о смене партийного руководства в Хорватии. Причины произошедшего не рассматривались. В этом же ключе выдержана работа С. Шувара *«Национальное и националистическое»* (Сплит, 1974 г.)⁴. Автор критикует «массовое движение», отмечая, что методы, использованные в нем (митинги и «иррациональное возбуждение масс») не отличались оригинальностью. Суть движения он видит в усилении роли в общественной и политической жизни Республики хорватской национальной элиты. По мнению С. Шувара, Хорватия в конце 1960-х — начале 1970-х гг. дала пример очередного традиционного для Европы обострения регионального национализма. В 1976 г. В. Бакарнич, один из активных участников тех событий, попытался несколько иначе

взглянуть на недавнее прошлое в книге «*Общественные классы, нация и социализм*»⁵. Автор считает, что «массового движения как такового не было. Это, скорее всего, было движение за конституционные поправки, а не борьба людей за что-то конкретное»⁶. С этой оценкой трудно согласиться, так как наше исследование показывает, что движение в Хорватии существовало, развивалось, формулировало свои конкретные задачи, выйдя далеко за рамки обсуждения возможных конституционных изменений. Одним из первых исследований 1970-х гг. непосредственно о хорватском «массовом движении» стала статья И. Перича «*Идеи «массового движения» в Хорватии*»⁷, (1974 г.). Уделив основное внимание анализу терминологии «Маспока», автор на основе доступных ему материалов пришел к выводу о националистическом характере движения.

Следующий этап в изучении хорватского «массового движения» относится к 1980-м гг., для него характерен серьезный анализ социалистической системы в целом, более пристальное внимание к деятельности хорватских коммунистов. Впервые исследователи обратили внимание на события в университетской среде и на оппозиционную печать исследуемого периода. Официальные издания не изменили своих оценок. В «*Истории Союза коммунистов Югославии*» (1985 г.)⁸, написанной новым авторским коллективом, говорилось об «ошибочном авангардизме» хорватских коммунистов в конце 1960-х гг. Общественная организация Матица хорватская (МХ) была охарактеризована как центр национализма, действовавший при поддержке лидеров Союза коммунистов Хорватии. Впервые были упомянуты некоторые лидеры движения, хотя в целом картина происшедшего оставалась фрагментарной.

В 1984 г. вышла книга И. Перича «*Современный хорватский национализм*»⁹. Автор сравнивал хорватский национализм межвоенного и социалистического периодов, отмечая, что первый был намного опаснее. Социалистическая система, по его мнению, в отличие от предыдущего режима была способна справиться с националистическими вызовами. Если в своей первой работе И. Перич искал доказательства националистического характера хорватского «массового движения», то в новом исследовании проявления национализма в социалистической Хорватии он связал с накопившимися в стране политическими и экономическими проблемами. Больше внимание в этой и последующих работах автор уделил студенческим волнениям 1971г.

В 1985 г. рассмотреть хорватское «массовое движение» попытался американский исследователь П. Рамет в книге *«Югославия в 1980-х годах»*¹⁰. Его работа интересна, прежде всего, всесторонним анализом хорватской периодической печати. П. Рамет пришел к выводу, что именно в годы подъема хорватского «массового движения» средства массовой информации в Югославии оказались в условиях максимальной свободы.

В начале 1990-х гг. в связи с событиями в бывшей Югославии изменился и подход к изучению хорватского «массового движения». На этом этапе очевидно стремление многих авторов связать события в Хорватии 1960–1970-х гг. с общеевропейскими процессами, завуалировать националистический характер движения, представляя участников движения борцами за общеевропейские ценности. В США была опубликована сначала брошюра хорватского эмигранта А. Чувало *«Хорватский национализм и хорватское национальное движение (1956–72) в англо-американских периодических изданиях»*¹¹, а позднее его монография *«Хорватское национальное движение: 1956–72»*¹². Брошюра — одно из редких исследований, благодаря которому мы можем судить о реакции западных СМИ на события в Хорватии. Что касается монографии, то вследствие ограниченной источниковой базы она вопреки названию не получила комплексного характера.

В 1990 г. вышла книга одного из участников событий М. Трипало под названием *«Хорватская весна»*¹³, в которой автор уделил особое внимание понятийному аппарату. Так, по его мнению, термин «Маспок» использовался в политической жизни после 1971 г. как выражение негативных оценок «политизации масс» в Хорватии. Автор попытался сравнить события в Хорватии в 1970-е гг. с «Пражской весной» 1968 г. После этого понятие «хорватская весна» стало широко использоваться в хорватской историографии. Сербские авторы скептически отнеслись к подобным оценкам. «В интерпретации событий 1971 г. в хорватской историографии есть только одно — искусственно преувеличенный размах хорватской «пражской» весны. При этом в Хорватии смотрят на себя как на инициаторов и инспираторов радикальных общественных реформ»¹⁴. отмечалось в предисловии к сборнику документов *«Генезис Маспока в Хорватии»*, изданном сербскими учеными в 1990 г.

В 1990-е гг. появились статьи сербских и хорватских авторов, посвященные отдельным аспектам исследуемой темы: идеологии

и терминологии движения, событиям в Университете Загреба, деятельности Матицы хорватской и ее периодическим изданиям, роли партийного руководства республики в «массовом движении», а также труды общего характера по истории хорватской государственности. Отдельную группу составляют работы хорватских эмигрантов, а также западных авторов.

Наиболее серьезный анализ движения принадлежит хорватскому историку Д. Биланджичу в труде *«Современная история Хорватии»*¹⁵. Автор рассмотрел предпосылки, причины, ход и последствия «массового движения». Причины возникновения движения он видит в десятилетнем «параличе власти», спровоцировавшем стремление республик к большей независимости. Следует, однако, заметить, что в исследовании Д. Биланджича явно ощущается нехватка архивных материалов. Он использовал в основном данные из сборника «Генезис Маспока в Хорватии», документы о «массовом движении» опубликованы с купюрами, что существенно снижает их ценность.

В 1990-е гг. продолжил свои исследования П. Рамет. В монографии *«Национализм и федерализм в Югославии 1962–1991 гг.»*¹⁶ он одним из первых попытался осветить роль хорватского коммунистического руководства в «массовом движении». Начало разногласий в СКЮ П. Рамет датирует мартовским 1962 г. пленумом Центрального комитета Коммунистической партии Югославии (ЦК КПЮ), выявившим глубокие разногласия между республиками по вопросам перспектив развития страны.

Об отдельных аспектах «массового движения» в 1990-е гг. писали: И. Шуте — *«Хорватская литературная газета» — между свободой и запретом»*¹⁷ (1999 г.), М. Кнезович — *«Демонстрации хорватских студентов осенью 1971 г. в печати того времени»*¹⁸, Б. Яндрич — *«Мнения о Декларации о названии и положении хорватского литературного языка»*¹⁹, К. Спехняк — *«Выборы в Хорватии 1967 и 1969 гг.»*²⁰.

Начиная с 2000 г., появилось немало серьезных работ по конкретным вопросам истории хорватского «массового движения». Авторы опирались на многочисленные воспоминания участников и архивные материалы. Исследования об участии студентов и преподавателей загребского Университета в движении осуществил хорватский историк Б. Яндрич²¹. Эту тему продолжил П. Маркович в статье *«Студенческое движение в Югославии в 60-х гг. XX века: между национализмом*

и интернационализмом, между реформизмом и догматизмом»²². Известному хорватскому политику, активному члену Матицы хорватской посвящена статья К. Спехняк «Вечеслав Холевац в политических событиях в Хорватии в 1967 г.»²³ На основе архивных материалов автор исследовала его деятельность во главе общества «Матица хорватских эмигрантов». В 2000 г. газета «Политика» опубликовала серию статей Й. Продановича «Жизнь и смерть доктора М. Жанко»²⁴. Рассказав о судьбе популярного хорватского политического деятеля Милоша Жанко, автор попытался дать оценку его деятельности в контексте истории не только Хорватии, но и Югославии в целом.

В последнее десятилетие возрос интерес исследователей к теме национальной идентичности. В связи с этим заслуживает внимания статья В. Пушич «Корни хорватской политической идентичности»²⁵. Статья является одной из немногих работ, в которой предпринята попытка объективно рассмотреть сложную картину политической жизни республики в начале 1970-х гг.

К работам общего характера, в которых исследуемые в книге вопросы затрагиваются в контексте более крупных проблем, относятся исследования хорватских историков Х. Матковича («История Югославии (1918–1991)»²⁶), И. Перича («Государственная мысль в Хорватии в IX–XX вв.»²⁷ и «Хорватия и мир в XX веке»²⁸), а также М. Куинджича и З. Диздара («Борьба Хорватии за самостоятельность 1918–1998»²⁹). Эти труды как нельзя лучше представляют позицию авторов, стремящихся в условиях независимой Хорватии, переосмыслить многие исторические события, особенно периода социалистической Югославии. За последние пять лет появились работы, обобщающего характера, освещающие, в том числе и хорватское «массовое движение». В первую очередь следует назвать монографию хорватского историка З. Раделича «Хорватия в составе Югославии 1945–1991»³⁰. Автор в своем исследовании использовал широкий круг источников, подробно осветил основные события хорватского движения, представил новую статистику по числу отставок и арестов в ходе проведения репрессивных мер против «массового движения» в Хорватии.

Авторы книг Х. Класич «Хорватская весна в Сисаке»³¹ и Т. Понош «На грани революции — студенты 1971 год»³² уделили внимание атмосфере, царившей в 1971 г. в студенческой среде. Х. Класич и Т. Понош не являются профессиональными историками, в их работах отсутствует научный аппарат, выводы не всегда обоснованы

и подкреплены документальными источниками. Однако отдельные приведенные авторами сведения представляются полезными для данного исследования.

Таким образом, в югославской историографии (сербской и хорватской) за прошедшие годы была проведена серьезная исследовательская работа по выявлению, публикации и систематизации источников, освещающих события хорватского «массового движения» в конце 1960-х-начале 1970-х гг. Делались попытки анализа отдельных аспектов этого общественно-политического феномена. Но серьезная политизация вопроса помешала ученым дистанцироваться от стереотипов региональных историографий, и осуществить комплексное исследование проблемы.

В российской историографии события 1960–1970-х гг. в Хорватии до настоящего времени не являлись предметом специального всестороннего рассмотрения: авторы ограничивались краткими упоминаниями или общепринятыми на тот период комментариями. В исследованиях, если данная проблема и упоминалась, то лишь несколькими фразами. Так, в вышедшем в 1985 г. академическом издании «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»³³ под редакцией О. Т. Богомолова хорватское «массовое движение» было охарактеризовано как обострение межнациональных отношений, приведшее к кризисной ситуации. Авторы не указали даже, в какой именно из югославских республик возникли проблемы. Однако справедливости ради следует отметить, что информация по данному вопросу была ученым недоступна, и работали они на крайне ограниченной и неполной исторической базе.

В 1998 г. вышел в свет двухтомный учебник «Истории южных и западных славян»,³⁴ разработанный на Исторической факультете МГУ. В нем хорватское движение рассмотрено в контексте обострения межнациональных и социальных противоречий, в одном ряду с волнениями в Косове 1968 г., без раскрытия его специфических особенностей. К работам общего характера может быть отнесена «История Хорватии»³⁵ российского историка В. И. Фрейдзона, вышедшая в 2001 г. Автор ограничился рассмотрением деятельности Матицы хорватской, охарактеризовав ее как националистическую.

В 2008 г. была опубликована статья С. А. Романенко «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов».³⁶ В центре внимания автора — внешнеполитический

аспект событий в Хорватии. Однако ряд положений статьи вызывает возражение. Так, проведение в статье параллелей с «Пражской весной», по нашему мнению, необоснованно. Исторические предпосылки, суть, участники, последствия у этих двух явлений общественно-политической жизни были разными. С. А. Романенко считает, что «хорватская весна» произошла в 1971 г., тем самым, выводя за скобки период 1967–1970 гг., представлявший собой ряд этапов становления и развития хорватского «массового движения», без анализа которых картина событий 1971 г. оказывается обрывочной.

Таким образом, обзор литературы, посвящённой хорватскому «массовому движению» в 1960–1970-х гг., показывает, что данная тема до последнего времени не была предметом всестороннего исследования.

Источниковая база исследования. Источниками для написания монографии стали материалы различного характера: документы из архивохранилищ Сербии, Хорватии, Словении и личных архивов участников и свидетелей событий: опубликованные документы по истории «массового движения», воспоминания и дневниковые записи участников событий, периодическая печать республик бывшей Югославии, служебные материалы агентства ИТАР-ТАСС.

С открытием архивов во второй половине 1980-х гг. создалась благоприятная ситуация для изучения проблемы хорватского «массового движения». В 1990-е годы начали публиковаться материалы закрытых партийных заседаний ЦК СКЮ и ЦК СКХ, Президиума СКЮ. Это было связано с развитием процесса становления государственности республик бывшей Югославии, а также пересмотром оценок исторических событий предшествующего периода.

При подготовке монографии автор в течение ряда лет работала в архивах Хорватии и Сербии. В *Хорватском Государственном Архиве* (ХГА) и в *Архиве Сербии и Черногории* (АСЧ) изучены, прежде всего, фонды ЦК СКЮ, ЦК СКХ, Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ), в том числе секции Союза по межнациональным отношениям и Фонда Союзного исполнительного веча (СИВ), материалы заседаний комиссий ЦК СКХ по вопросам общественно-политической системы и внутренней политики. В исследовании были также использованы материалы *Архива Республики Словении*: документы Исполнительного комитета ЦК Союза коммунистов Словении и Республиканского

Секретариата внутренних дел, и документы фонда Э. Карделя, а также личный архив югославской журналистки, руководившей работой канцелярии М. Трипало, Лиляны Булатович. Особенно интересными представляются стенограммы бесед М. Трипало с корреспондентами различных югославских периодических изданий по национальному вопросу.

Среди опубликованных документов следует выделить сборник *«Генезис массового движения в Хорватии»*³⁷ (1990 г.), охватывающий события истории Хорватии 1967–1974 гг. Его составители — Й. Кесар, Д. Бильбия и Н. Стефанович, по их собственному утверждению хотели, прежде всего, представить через документы генезис, суть и динамику процессов общественной и политической жизни республики. Сборник содержит около 500 документов, расположенных по хронологическому принципу и разделенных на шесть тематических групп. Его позитивной стороной, несомненно, является многообразие представленных источников. Однако к составителям можно предъявить и ряд претензий. Например, чрезмерное внимание авторов к деятельности лишь одного из участников тех событий — М. Жанко. Кроме того, отсутствуют материалы за 1968 г., а ведь именно в это время шло становление будущей хорватской оппозиции. В сборник не вошли и другие важные материалы, например, о конфликте хорватского руководства с союзными органами, в ходе которого Хорватия сформулировала свои экономические требования. Вместе с тем, в целом вышеуказанный источник помогает исследовать механизмы функционирования государственной и партийной системы СФРЮ.

Большое значение для исследования имеют опубликованные материалы расширенного заседания Комиссии ЦК СКХ 1964 г. *«Югославия в Хорватии»*³⁸ (Белград, 2000 г.). Документы показывают, что в союзном руководстве не было единства взглядов по многим жизненно важным вопросам развития страны. Не было этого единства и в руководстве Хорватии.

Для раскрытия обозначенной темы, несомненно, важен сборник документов под характерным названием *«Расправа, учиненная над Хорватией в Караджорджеве в 1971 г.: материалы XXI заседания Президиума ЦК СКЮ»*³⁹, опубликованный в 1994 г. Он содержит в себе полную стенограмму встречи И. Броз Тито с хорватским руководством (30 ноября 1971 г.) и последовавшего за ним XXI заседания

Президиума ЦК СКЮ (1–2 декабря 1971 г.) в местечке Караджорджево. Инициаторами этой публикации стали идеологи и активные участники хорватского «массового движения», члены Матицы хорватской Ш. Джодан и М. Веселица. Документы в полной мере отражают противоречия между республикой и центром, показывают отношение И. Броз Тито к хорватскому движению и позиции хорватского руководства.

При исследовании хорватского «массового движения» были привлечены материалы британской миссии в Загребе, опубликованные М. Джиласом в 2002 г. под названием «*Секретные британские документы о хорватской весне*»⁴⁰. Представители посольства Великобритании внимательно отслеживали ситуацию в Хорватии, они регулярно отправляли донесения в Лондон, описывая в них происходившие в республике события и давая им свою оценку. Так, например, британские дипломаты не верили, что И. Броз Тито решится на отставку хорватского руководства; они считали также, что хорватские лидеры были способны оказать серьезное сопротивление попыткам сместить их с высоких постов.

В 2003 г. был опубликован важный для исследуемой темы архивный документ под названием «*Сообщение о положении в Союзе коммунистов Хорватии в связи с проникновением национализма в его ряды*»⁴¹. Это доклад специально созданной при ЦК СКЮ комиссии, подробно изучившей возникновение, развитие и последствия хорватского «массового движения», а также роль в нем СКХ. Доклад был заслушан на 28 заседании ЦК СКХ 8 мая 1972 г. и содержал последовательный анализ возникновения националистических тенденций, их распространения среди членов партии, и в некоторых общественных и культурных организациях.

В Сербии в 1999 г. Й. Бошковицем был издан сборник документов «*Возрождение Независимого государства Хорватии*»⁴². Автор представил материалы, свидетельствующие, по его мнению, о неравноправии и ущемлении прав сербского населения в Хорватии на протяжении более полувека. Одна из глав сборника описывает обстановку в республике в 1971 г. В ней отражены антисербские настроения в социалистической Хорватии, в частности приведены высказывания лидеров хорватского «массового движения».

При работе над монографией также использован сборник документов, подготовленный в 1985 г. известными сербскими историка-

ми Б. Петрановичем и М. Зечевичем: «Югославия. 1918–1984 гг.»⁴³. В него вошли документы, отражающие экономическую, политическую и культурную жизнь страны, материалы съездов СКЮ, пленумов ЦК СКХ, работу над конституционными поправками, а также статистику. «Массовому движению» в Хорватии посвящена отдельная глава, в которую включены материалы X пленума ЦК СКХ (1970 г.), выступление И. Броз Тито на заседании Президиума СКЮ (1–2 декабря 1971 г.). К сожалению, движение в Хорватии, хотя и получило на указанном заседании принципиальную оценку как «ключевая проблема страны», в сборнике заняло неоправданно скромное место.

Материалы зарубежных периодических изданий опубликовал И. Корски в книге «Хорватский национализм»⁴⁴. Эти источники дают представление об оценках событий в Хорватии в кругах хорватской эмиграции, показывает, какие планы в отношении Хорватии разрабатывались за границей в новых исторических условиях.

К сборникам опубликованных документов относятся также материалы Веча Сабора Социалистической республики Хорватия (СРХ)⁴⁵, отразившие основные задачи и программу этого органа в 1970 г., а также документы предвыборной Конференции СКХ 1973 г.⁴⁶, содержащие информацию о планах дальнейшего развития СКХ с учетом влияния хорватского «массового движения». К документам общесоюзного значения относятся материалы IX (1969)⁴⁷ и XI (1978)⁴⁸ съездов СКЮ, в рамках которых обсуждались вопросы взаимоотношений республик и центра.

Важным источником для характеристики «массового движения» и, что немаловажно, воссоздания атмосферы того времени являются статьи и интервью участников событий (выступления и заявления И. Броз Тито, М. Трипало, С. Дабчевич — Кучар, В. Бакарича, М. Веселицы, Ш. Джодана и многих других), появившиеся в 1960–1970-х гг., и в более поздний период. В работе широко использованы югославские периодические издания, находящиеся в фондах библиотек Москвы, Загреба и Белграда. Это, прежде всего, газеты «Виесник» и «Виесник у среду», выходившие в Хорватии. Газета «Виесник» стояла у истоков хорватского «массового движения». В ней активно работали журналист Б. Новак, главный редактор М. Балетич и редактор внутренних политических рубрик З. Жидовец. Эти газеты стали трибуной нового курса Хорватии.

Из числа общенациональных югославских газет были изучены «*Политика*» и «*Борба*». Особый интерес представляет журнал «*НИИ*», известный своей независимой позицией в тот период и достаточно смелой оценкой происходивших в стране событий и процессов. Именно это издание инициировало в конце 1960-х — начале 1970-х гг. социологические опросы по всей стране по вопросам межнациональных отношений. Некоторые из них использованы в работе над книгой.

Еще одним важным видом источников стали мемуары участников движения. Они могут быть разделены на три группы, в соответствии с принадлежностью авторов к трем политическим центрам. Первыми в этом жанре выступили представители хорватского руководства. В 1990-е гг. вышли воспоминания М. Трипало «*Хорватская весна*»⁴⁹ и С. Дабчевич-Кучар «*1971 год: Хорватские сны и реальность*»⁵⁰ и Д. Харамии «*25 лет спустя после большевистского удара. Воспоминания о хорватской весне*»⁵¹. Свидетельства этих деятелей очень важны и интересны для данной работы, поскольку, занимая высокие посты в Хорватии в указанный период, они были инициаторами изменений и проводниками политики, которая создала предпосылки для возникновения хорватского «массового движения». Для всех авторов общим является стремление представить события 1960–1970-х гг. частью общеевропейских демократических процессов, а свое участие в них — противостоянием так называемых «реформаторов» консервативной коммунистической элите. Подобная интерпретация «массового движения» объясняется тем, что бывшие лидеры Хорватии в 1990-е гг. вернулись в политическую жизнь, создали свои партии, и им было выгодно в предвыборных кампаниях позиционировать себя как политиков с богатым опытом борьбы за демократию. В монографии использованы и другие работы М. Трипало⁵². Последние воспоминания М. Трипало увидели свет в 2005 г. Представленные в виде его интервью журналисту Й. Шентии, они называются «*Беседы с Мико Трипало о хорватской весне*»⁵³. Особенностью этой книги воспоминаний является стремление политика пересмотреть свою роль в событиях 1960–1970-х гг. и представить себя человеком случайным в хорватском «массовом движении». К началу 2000-х гг. тема событий 1960–1970-х в Хорватии стала непопулярной, ее участники все чаще подвергались критике нового поколения хорватов, осуществивших вековую мечту о создании независимого государства.

Немало ценных данных по теме монографии содержится в воспоминаниях М. Врхунца *«Шесть лет с Тито (1967–1973). Взгляд изнутри»*⁵⁴. Будучи политическим деятелем из близкого окружения И. Броз Тито, он подробно описал ситуацию начала 1970-х гг. и переговоры И. Броз Тито с хорватским руководством в разгар «массового движения». В книге использованы также воспоминания сербских политиков Л. Перович *«Люди, события и книги»*⁵⁵ и М. Никезича *«Сербская хрупкая вертикаль власти»*⁵⁶, которые дают свое видение развития социалистической Югославии и взаимоотношений между республиками.

Не менее важным источником представляются дневниковые записи, в частности, историка Д. Биланджича *«История вблизи. Дневники: 1945–2005 гг.»*⁵⁷ и писателя Д. Чосича *«Заметки писателя (1951–1968)»*⁵⁸. Эти два автора являются выдающимися представителями своих интеллектуальных национальных элит, поэтому столь важны их дневники, отражающие атмосферу того времени. Кроме того, эти люди привели много новых сведений и конкретных фактов, которые отсутствуют в официальных документах.

К дневниковым записям относится и книга З. Вуковича *«От деформации УГБ до Маслопа и либерализма: мои стенограммы 1966–1972 гг.»*⁵⁹. Автор книги в указанный период являлся генеральным директором Радио и телевидения и членом ЦК СК Сербии. Он лично присутствовал на многих партийных форумах, стенографировал их. В его записях отражены реакция сербских руководителей на события в Хорватии, оценки их как попытки нарушить целостность федерации.

В конце 1990-х гг. появились воспоминания членов Матицы хорватской. Многие из этих деятелей возвращались из мест заключения с запретом на общественную деятельность, но публиковать воспоминания и давать интервью им разрешалось. Прежде всего, выделяются дневниковые записи Й. Билича *«1971 год — что это было»*⁶⁰, М. Балетича *«Хорватский сеанс одновременной игры»*⁶¹ и З. Комарицы *«Записки узника 1972 года»*⁶². Й. Билич и М. Балетич подробно, день за днем, описали, как развивались события в ходе «массового движения». В их воспоминаниях хорошо передана атмосфера, царившая в хорватских интеллектуальных кругах в 1971 г. В книге З. Комарицы уделено значительное внимание последствиям хорватского «массового движения», тому, в каких условиях оказались

его участники после того, как оно было свернуто. Интересна книга Х. Шошича «Поражение хорватской коммунистической весны 1971 года»⁶³. Автор являлся непосредственным участником событий, одним из самых активных членов Матицы хорватской. Его воспоминания дают возможность сравнить оценки событий «массового движения» партийными деятелями и представителями хорватской интеллигенции. К более поздним воспоминаниям относится книга М. Кастратовича «Весна современной Хорватии»⁶⁴, из которой можно почерпнуть сведения о студенческом движении и деятельности Матицы хорватской.

Ряд воспоминаний вышел из-под пера преподавателей и студентов университетов Загреба и Белграда. Среди них выделяется книга И. Миладиновича «Тайна и напоминание. 1968: спустя тридцать лет. Все секреты студенческой революции»⁶⁵. Автор представил новые факты событий 1968 г., попытался разобраться и снять некоторые спорные вопросы. В частности, он отделил события в университетах Загреба и Белграда, подчеркнув различия в настроениях, царивших в студенческой среде двух югославских республик.

С начала 1990-х гг. появилась практика проведения круглых столов по случаю годовщин событий 1971 г. На эти мероприятия приглашались участники хорватского «массового движения», а их выступления публиковались⁶⁶. Эти материалы также были использованы в монографии. Нельзя обойти вниманием и весьма интересный проект, инициатором которого в 1990 г. стал хорватский историк Д. Биланджич. Он собрал главных участников хорватского движения (М. Трипало, В. Готовац, М. Веселица, Д. Будиша, К. Джеба, Б. Новак, Д. Харамия, Ш. Джодан, П. Кристе, Ф. Туджман, Й. Шентия, И. З. Чичак и другие) и проинтервьюировал каждого из них. Так появилась книга «Прерванное молчание: люди из 1971 года»⁶⁷. Участники данного проекта, теперь уже с исторической дистанции, представили собственное видение и оценку хорватского движения, обозначили свою роль в нем. Весьма интересны подробности их встреч с И. Броз Тито, сведения о контактах хорватского руководства со студентами и преподавателями Загребского университета и Матицей хорватской.

Таким образом, источниковая база нашего исследования позволяет решить поставленные в работе задачи: выделить этапы хорватского

«массового движения», обозначить его политические центры, проанализировать их программы и деятельность, сделать обоснованные выводы о сути и последствиях национального движения в Хорватии в период 1960–1970-х гг.

Примечания

¹ Броз Тито И. Интервью газете «Виесник» // Югославия — актуальные проблемы общественного развития. М.: 1977. 236 с.

² Там же. С. 70.

³ Istorija Saveza komunista Jugoslavije. P. Morača, Dr. D. Bilandžić, Dr. S. Stojanović. Kratak pregled // Beograd: 1976. 346 s.

⁴ Šušvar S. Nacionalno i nacionalističko. Split: 1974. 397 s.

⁵ Bakarić V. Društvene klase, nacija i socijalizam. Zagreb: 1976. 250 s.

⁶ Ibid. S. 240.

⁷ Perić J. Ideje «Masovnog pokreta» u Hrvatskoj. Zagreb: 1974. 274 s.

⁸ Историја Савеза комуниста Југославије. Аутори — Ј. Плетерски, Д. Кецић, М. Васић, Б. Петрановић, Д. Биландић. Београд: 1985. 487 с.

⁹ Perić I. Savremeni hrvatski nacionalizam. Zagreb: 1984. 318 s.

¹⁰ Ramet P. Yugoslavia in the 1980 s. L.: 1985. 354 p.

¹¹ Čuvalo A. Croatia nationalism and the Croatian national movement (1956–72) in Anglo-American publications. New York: 1990. 20 s.

¹² Čuvalo A. The Croatian national movement: 1956–72. New York: 1990. 275 s.

¹³ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: 1990. 267 s.

¹⁴ Geneza maspoka u Hrvatskoj. Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd. 1990. 1202 s.

¹⁵ Bilandžić D. Hrvatska moderna povjest. Zagreb: 1999. 836 s.

¹⁶ Ramet S.P. Nationalism and federalism in Yugoslavia: 1962–1991. Bloomington: Indiana University Press, 1992. 346 s.

¹⁷ Šute I. Hrvatski književni list — između slobode i zabrane // Hrvatski zbornik. 1999. № 52. S. 71–104.

¹⁸ Knezović M. Štraik hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku // Zagreb: Radovi zavoda za povjest znanosti FF. 1995. Vol.28. S. 230–241.

¹⁹ Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Povjesni prilozi. Zagreb: 1999. № 18. S. 325–371.

²⁰ Spehňjak K. Izbori u Hrvatskoj 1967 i 1969 // Časopis za savremenu povjest. Zagreb: 1998. № 30. S. 317–346.

²¹ Jandrić B. Sveučilišni nastavnici Filozofskog fakulteta u Zagrebu u obrani sastavljača i potpisnika Deklaraciji o nazivu i položaju hrvatskoga knjiženog jezika // Dijalog povjesničara-istoričara. Zagreb, 2000. 20–22 oktobra. S. 393–409;

Jandrić B. Stajalište članova SKH Filozofskog fakulteta u Zagrebu u povodu studentskih nemira od 3 do 11 lipnja 1968 g. // *Časopis za savremenu povjest*. Zagreb, 2002. № 1. S. 7–40; Jandrić B. Izbor iz inozemnog tiska o studentskih demonstracija u Jugoslaviji 1968 godine // *Dijalog povjesničara-istoričara*. Zagreb, 2001. 5–7 listopada. S. 297–313; Jandrić B. Stajališta hrvatske komunističke emigracije u Hrvatskom proljeću u najznačajnjem emigrantskom časopisu Hrvatskoj reviji // *Časopis za savremenu povjest*. Zagreb: 2003. № 2. S. 431–461; Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine // *Dijalog povjesničara-istoričara*, Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 415–433.

²² Marković P. J. Studentski pokret u Jugoslaviji 60-tih godina 20 veka: između nacionalizma i internacionalizma, između reformizma i dogmatizma // *Dijalog povjesničara-istoričara*. Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 393–413.

²³ Spehnjak K. Većeslav Holjevac u političkim događajima u Hrvatskoj 1967 godine // *Časopis za savremenu povjest*. Zagreb, 2000. № 32. S. 567–593.

²⁴ Продановић Ј. Први сукоби са хрватским националистима (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка) // *Политика*, 08.02.2000. С. 13; Продановић Ј. Критика Декларације о хрватском књижевном језику (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 2) // *Политика*, 09.02.2000, С. 19; Продановић Ј. Политичка ликвидација у телевизијском преносу (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 3) // *Политика*, 10.02.2000. С. 17; Продановић Ј. Највећи фајаско у Титовој каријери (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 4) // *Политика*, 11.02.2000. С. 17.

²⁵ Pušić V. Korišeni hrvatskog političkog identiteta // *Erasmus*. 1996. № 15. S. 3–8.

²⁶ Matković H. *Povjest Jugoslavije: 1918–1991*. Zagreb: 2003. 444 s.

²⁷ Perić I. *Hrvatska državotvorna misao u XIX –XX stoljeću*. Zagreb: 2002. 521 s.

²⁸ Perić I. *Hrvatska i mir u XX stoljeću*. Zagreb: 1996. 219 s.

²⁹ Kujundžić M., Dizdar Z. *Hrvatska borba za opstojnost 1918–1998*. Zagreb: 2000. 428 s.

³⁰ Radelić Z. *Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza*. Zagreb: 2006. 702 s.

³¹ Klasuč H. *Hrvatsko proljeće u Sisku*. Zagreb: 2006. 218 s.

³² Ponoš. T. *Na rubu revolucije-studenti 1971*. Zagreb: 2007. 219 s.

³³ Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Гл. ред. О.Т. Богомолов. М.: 1985. 320 с.

³⁴ История южных и западных славян: в 2 т.: Учебник. Т.2: Новейшее время / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. М.: 1998. 272 с.

³⁵ Фрейдзон В.И. *История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.)*. Санкт-Петербург: 2001. 318 с.

³⁶ Романенко С.А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // *Славяноведение*. № 3. 2008. С. 60–75.

- ³⁷ Geneza maspoka u Hrvatskoj. Beograd: 1990. 1202 s.
- ³⁸ Babić G. Jugoslavija u Hrvatskoj. Beograd: 2000. 215 s.
- ³⁹ Sječa Hrvatske u Karadorđevu 1971: 21 sjednica. Autorizarani zapisnik. Glavni odgovorni urednik Pišković M. Zabreb: 1994. 363 s.
- ⁴⁰ Britance oduševila Titova odluka da slomi Hrvatsko proljeće // Режим доступа: Tajni britanski dokumenti o Hrvatskom proljeću. Urednik M. Đilas // <http://nacional.hr/hr/articles/view/12886>
- ⁴¹ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972), Izvještaj o stanju u Savezu komunista Hrvatske u odnosu na prodor nacionalizma u njegove redove (usvojen na 28 sjednici CK CKH, 8 svibnja 1972). Zagreb: 2003. 314 s.
- ⁴² Bošković J. NDH drugi put. Beograd: 1999. 468 s.
- ⁴³ Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984. Zbirka dokumenata. Beograd: 1985. 1144 s.
- ⁴⁴ Korsky I. Hrvatski nacionalizam. Zagreb: 1991. 400 s.
- ⁴⁵ Osnovni zadaci i programi rada Sabora SR Hrvatske, Vjeća Sabora, odbora i komisija Sabora, Zagreb: 1970. 145 s.
- ⁴⁶ Nacrt izvještaja za XXII izbornu konferenciju SK Hrvatske. Zagreb, Veljača, 1973, 24S.; Savez komunista Hrvatske. Izborna konferencija. Zagreb, 1973. 96 s.
- ⁴⁷ Deveti Kongres SKJ. Dokumenti. Beograd: 1969. 447 s.
- ⁴⁸ Jedanaesti Kongres Saveza komunistov Jugoslavije. Dokumenti. Beograd: 1978. 542 s.
- ⁴⁹ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: 1990. 267 s.
- ⁵⁰ Dabčević-Kučar S. 1971 g. hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb: 1997, 2 sv.
- ⁵¹ 25 obljetnica boljševičkog udara i sjećanje na hrvatsko proljeće. Zagreb: 1997. 180 s.
- ⁵² Tripalo M. Bez kompromisa u ostvarivanju samoupravnog socijalizma. Zagreb, 1969; Tripalo M. S poprišta. Zagreb: 1971. 404 s.
- ⁵³ Šentija J. Razgovori s Mikom Tripalom o hrvatskom proljeću. Zagreb: 2005. 187 s.
- ⁵⁴ Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza. Zagreb: 2001. 375 s.
- ⁵⁵ Perović L. Ljudi, događaji i knjige. Beograd: 2000. 250 s.
- ⁵⁶ Nikezić M. Srpska krhka vertikala. Beograd: 2003. 343 s.
- ⁵⁷ Bilančić D. Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945–2005. Zagreb: 2006. 738 s.
- ⁵⁸ Ђосип Д. Пишчеви записи (1951–1968). Београд: 2000. 419 с.
- ⁵⁹ Vuković Z. Od deformacija SDB do maspoka i liberalizma: Moji stenografski zapisi 1966–1972 godine. Beograd: 1996. 400 s.
- ⁶⁰ Bilić J. 1971 koja je to godina. Zagreb: 1990. 328 s.
- ⁶¹ Baletić M. Htvatska simultanka: prsinac sedamdeset prve. Zagreb: Naklada Pekulić, 2003. 366 s.

⁶² Komarica Z. Uznički zapisi 72. Zagreb: 1999. 332 s.

⁶³ Šošić H. Slom hrvatskog komunističkog proljeća 1971. Zagreb: 1997. 311 s.

⁶⁴ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske. Zagreb: 2002. 330 s.

⁶⁵ Миладиновић И. Тајна и опомена: 1968.: тридесет пет година касније: Све модрице студентске револуције. Београд: 2003. 179 с.

⁶⁶ Šošić H. Hrvatski tjednik u 1971 g. // Kolo Matice Hrvatske. 1994, № 11/12. S. 1163–1190; Šošić H. Godina 1971 // Hrvatska obzorja. 1997. № 5. S. 13–36; Roboteg M. Vrijeme romantike i preporodnog zanosa o hratskom proljeću u Splitu // Hrvatska obzorja: Časopis Matici Hrvatskoj. Split. 1996. № 4. S. 821–830; Trošelj D. Hrvatsko proljeće i Matica hrvatska // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 71–81; Bošković I. Hrvatsko proljeće i splitski kulturni život // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 765–767; Jelavić A. O zbivanjima na splitskom Pravnom i Ekonomskom fakultetu // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 797–798; Petrić D. Hrvatsko proljeće u Splitu godine 1971 // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 807–810.

⁶⁷ Bilandžić D. 1971 godina u Hrvatskoj // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 9–21

ГЛАВА 1

ПРЕДПОСЫЛКИ ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

§1. Основные этапы развития хорватской национальной идеи

Одним из основных хорватской национальной идеи являлся вопрос территорий. Первое упоминание о хорватах мы встречаем у византийского историка Константина Багрянородного (Порфирогенета) в первой половине X в., который записал, что царь Ираклий поселил хорватов на территории от Цетинья до Истры. Называет автор земли хорватов Приморская Хорватия. Позднее историк отмечает, что часть хорватов заселила территории от Илирики до реки Савы¹. Эти территории получили название Панонская Хорватия. В VII в. эти земли находились под властью аваров, а потом до конца VIII в. здесь властвовали франки.

Хорватские племена оказались в окружении недружественного местного романского и романизованного населения, считавшего новых соседей «варварами-язычниками». Хорваты долго сохраняли древние культы. Принятие христианства на территории Далмации и Славонии растянулось с VII по XI век. На этот процесс оказывали влияние различные силы, прежде всего Рим, Византия и Аквилейский патриархат.

Усиление хорватских земель произошло при князе Томиславе в 910–930 гг., когда хорваты провозгласили королевство. Однако, по данным латинского источника, писателя раннего средневековья Анхарда, в 1000 г. Приморская Хорватия оказалась под властью Венеции, а Панонская Хорватия присоединилась к венгерскому королевству. Войдя в состав другого государства, хорватские земли потеряли четкие границы. На территориях Неретвлянской области (Пагания), Требинья (Травуния) и Захумья (Хум), впоследствии вошедших в состав современных Хорватии и Боснии, жили сербы. Этнические границы между хорватами и сербами проходили в районе Сплита.

Хорватские земли испытывали влияние двух церковно-политических центров — Рима и Константинополя. Постепенно влияние Рима стало преобладать и окончательно закрепилось в 1054 г. после разделения церквей. Раннесредневековое хорватское государство находилось на землях Салонской епископии, и церковь Сплита стала ее наследницей. Но хорватские правители стремились к созданию собственной церковной организации, поэтому в государственную идеологию изначально заложили мысль о прямой связи хорватской церкви с Римом. Ориентация на Святой престол способствовала распространению на хорватских землях латинского языка и сделала католическую принадлежность одним из основных признаков отличающих хорватов от сербов. После вхождения в 1102 г. Хорватского королевства в состав Венгрии авторитет латинского языка укрепился еще больше. Однако уже с XII вплоть до XIV века хорваты вели борьбу с Римом за право использовать глаголическую письменность, которую использовали в литургических, литературных и деловых текстах на всем протяжении Средних веков и Нового времени жители Далматинской Хорватии. Язык глаголических текстов оказал серьезное влияние на попытки разработать единый для всех хорватов литературный язык. Подобные проекты разрабатывали немногочисленные хорватские протестанты, которые группировались вокруг типографий и способствовали развитию глаголического книгопечатания. Задача создания и развития хорватского литературного языка стала еще одной важной составляющей хорватской национальной идеи.

В XIV в. Балканский полуостров начали завоевывать турки, и территории, на которых проживали славянские народы, стали ареной многочисленных войн. Хорватское население оказалось на территории северной Далмации в Венецианской республике, а также в пограничных районах Австрии и Венгрии. К концу XV в. Далмация была заселена и сербами, и хорватами. В северной части от Цетинья и Полицы до Истрии жили хорваты, на юге и в центре от Полицы до Драча — сербы. Постепенно, в ходе военных действий хорваты были полностью вытеснены турецкими войсками из северной Далмации. Эти данные подтверждает А. Барбариго, представитель Венецианской республики в Далмации, 74 венецианский дож, который пишет: «Города стоят пустые. Католики бросили свои храмы. На побережье Далмации не осталось ни одного представителя католической церкви.

Книн и Книнска Краина были провозглашены Римской курией своей территорией, но здесь нет ни храмов, ни верующих»².

Под натиском турецких войск сербское население бежало в приграничные районы Австрийской империи, где в 1630-х гг. была создана Хорвацко-Славонская военная граница, особая административно-территориальная единица, подчиненная непосредственно австрийским властям. Завершились австро-турецкие войны в 1699 г. Карловацким миром. По мирному договору Габсбургская империя получила области Славонию, часть нынешней Воеводины (земли в Среме и Бачке), а позднее весь Срем и Банат. Хорваты сохранили область в приграничных районах Австрии и Венгрии, австрийская часть называлась Цивильная Хорватия, а венгерская — Банская Хорватия. После войны они обратились к имперским властям с просьбой о присоединении к ним Славонии, но получили отказ. В Славонии жили сербы и венгры, которых хорватские политические круги настойчиво называли славонскими католиками. Присоединить Славонию удалось в 1745 г., но даже после этого в Венгерском парламенте депутаты из Банской Хорватии и Славонии были разделены. Довольно быстро хорваты переименовали Славонию в Северную Хорватию, подчеркивая ее давнюю принадлежность к хорватским землям. В том же 1745 г. Банская Хорватия присоединила западный Срем, в котором преобладало сербское население. В 1797 г. в состав Австрийской империи вошла Далмация, которую хорватские власти также мечтали видеть в составе своих территорий. Эти чаяния нашли свое отражение в самоназвании хорватских земель — Триединое королевство Хорватия, Славония и Далмация. Австро-венгерские власти никогда не признавали эту формулировку, так как никогда не передавали хорватам управление Далмацией. Таким образом, уже на этом историческом этапе в сознании хорватской элиты появляется представление о необходимости присоединения территорий со смешанным населением, осуществляются попытки обосновать на них свои права, подменяя одни названия исторических областей другими.

Идеи о создании единого славянского королевства появились у хорватских авторов еще в XVII в. Дубровчанин М. Орбини написал сочинение «Королевство славян», в котором рассуждал о вкладе славянских народов в развитие европейской цивилизации. И. Лучич из Трагира создал труд на латинском языке по истории хорватских земель. В начале XVIII в. начинает развиваться хорватская

политическая мысль. П. Риттер-Витезович считается предшественником иллирийского движения. В своем труде «Всемирные хроники» он стал автором первой программы политического объединения славян под скипетром Габсбургов. Всех югославян П. Риттер-Витезович называл хорватами. Также нельзя не упомянуть еще одного автора Ю. Крижанича, написавшего работу «Политики или Беседы о правлении». Автор размышляет об исторических судьбах славянских народов. Эти размышления славянских авторов о своем прошлом и будущем были вызваны постоянными попытками мадьяризации со стороны Венгрии. Так, еще в 1790 г. венгерские власти попытались сделать венгерский язык официальным языком Банской Хорватии и Славонии вместо латыни и немецкого языка. В начале XIX в. хорватская элита начала борьбу за национальный язык и культуру.

После поражения Австрийской империи в войнах с наполеоновской Францией в 1809 г. часть австрийских территорий — Далмация, Истрия, Горица, Краина, Банская Хорватия и Славония, а также Военная граница южнее реки Савы отошли Франции и получили название Иллирские провинции. В 1815 г. по решению Венского конгресса эти провинции были возвращены Австрийской империи. Они вошли в ее состав отдельной административной единицей как Королевство Иллирия.

В период существования Иллирских провинций хорватской знатью была сделана попытка создания единого народа со своим языком. Жители провинций стали называться «иллирами», у них был свой славянский литературный язык «лингваиллирика». Создавались учебные заведения, где преподавали «иллирский» язык. Началось издание школьных учебников, выпускались газеты и журналы. Просуществовав до 1816 г., этот язык способствовал развитию идеи государственности у славян. С возвращением территорий Иллирских провинций Австрийской империи использование «иллирского» языка было запрещено. Но его недолгое существование стало прецедентом для дальнейшего национального единения по языковому признаку. Язык стал основой в процессе национальной интеграции, важнейшим средством пропаганды национальных идей.

В начале XIX в. за реформу славянских языков взялись славянские ученые лингвисты. Словенец Е. Капитар опубликовал первую словенскую грамматику, призванную унифицировать словенские диалекты в один литературный язык. Его последователи пытались

вести и новый алфавит — смесь латинских и кириллических букв, против чего выступила большая часть словенских филологов. У сербов вопрос реформирования литературного языка взялся решать В. Караджич. Он стремился сделать язык доступным народу. В 1814–1818 гг. он издал первую сербскую грамматику и словарь. В. Караджич разработал сербский литературный язык на базе герцеговинского диалекта, основываясь на сравнении и сопоставлении сербских говоров. В основу алфавита он положил кириллическое письмо, несколько видоизменив его для того, чтобы каждому звуку соответствовала буква. Это новое правописание стали использовать сербы в Воеводине, Боснии и Герцеговине. Хорваты в это время использовали семь различных правописаний.

Мы выделяем начало *первого этапа* в становлении хорватской национальной идеи 1830-м г., когда в Хорватии началось национальное движение «иллиризма». Это название было обусловлено тем, что его сторонники рассматривали всех югославян как единый народ с общим наречием. Они называли этот народ и этот язык — иллирским. Развивалось движение, главным образом, в области культуры. Основными идеологами этого движения стали Людевит Гай и граф Янко Драшкович, одни из самых образованных людей своего времени.

В 1830 г. Л. Гай написал «Краткую основу хорватско-славянского правописания», осуществив задачу создания хорватского литературного языка на основе штокавского наречия, близкого к сербскому языку. Алфавит он создал на основе латиницы и ввел туда чешские надстрочные знаки. На новом языке началось издание газет и журналов. Деятели «иллиризма» стремились всеми средствами популяризировать свое движение. С этой целью открывались клубы и читальни. В 1838 г. Л. Гаеи в Загребе была основана Иллирская читальня, как культурное и научное общество. В 1842 г. она была переименована в Матицу Иллирскую. В ее задачи, прежде всего, входила издательская и просветительская деятельность. С 1844 г. Матица начала публикацию книг по хорватской истории и словарей. В 1850 г. она отделилась от читальни и стала самостоятельным учреждением. В 1874 г. организация получила свое современное название — Матица хорватская. Отстаивая права хорватского языка, национальные общественные и политические деятели выступали за политическое равноправие хорватов с венграми. Однако венгерский и немецкий

языки оставались более важными в повседневной жизни, при получении образования, в карьере.

И. Сакцински в своей брошюре в 1843 г. задается вопросом: «Почему мы называем себя иллирами, а не хорватами? Потому что мы хотим иметь свою литературу, но знаем, что наши три жупании и Военная граница, где живут те, кто говорит на кайкавском диалекте, не могут иметь свою собственную литературу. Наша литература должна охватить славонцев, далматинцев, сербов, граничар, и всех юго-западных славян»³. Таким образом, деятели хорватского национального возрождения пошли на определенную хитрость. Стремясь к административному объединению перечисленных территорий и понимая, что на данном историческом этапе это маловероятно, они озвучили задачу создания единого культурного пространства.

В своей работе «Диссертация или Беседа» в 1832 г. Я. Драшковиц впервые сформулировал хорватскую политическую программу, которая легла в основу программ будущих хорватских политических партий. Он разработал теорию общности югославян и выдвинул проект создания Великой Иллирии, в состав которой вошли бы земли хорватов, словенцев и, возможно, территории Боснии. Эта идея стала основой для формирования национального самосознания у хорватов, которые до этого осознавали себя лишь жителями той области, на которой проживали. Кроме языкового объединения, Я. Драшковиц стремился к территориальному объединению областей Далмации, Славонии, Военной границы с Банской Хорватией.

Национальную идею поддерживали и развивали вместе с хорватскими политиками католические церковные круги. Католическая церковь, игравшая огромную роль в Хорватии, стала мощным консолидирующим фактором. Она стремились к религиозному единению католического населения в Австрии и Венгрии. Католические священники активно участвовали в хорватском национальном движении. Священнослужители имели возможность получения хорошего образования, и именно они вошли в число первых хорватских интеллектуалов, которые впоследствии активно пропагандировали национальные идеи. Они настолько активно пытались обратить православных сербов в католическую веру, что власти Австрийской империи были вынуждены принять специальный «Влашский закон» (1629 г.), сделавший сербское население полноправными гражданами империи со свободой вероисповедания.

В 40-е гг. XIX в. движение «иллиризма» приобретает ярко выраженный политический характер. Хорватская элита создала первую политическую партию (с 1943 г. Народная партия), которая противостояла объединению провенгерски настроенного хорватского дворянства (так называемых унионистов). И в результате в 1843–1845 гг. под сильным давлением венгерских властей Вена запретила деятельность движения «иллиризма». Политическая жизнь в хорватских землях на время затихла. Однако за десять лет существования «иллиризма» были заложены основы для дальнейшего развития хорватской национальной идеи. Конкретным достижением деятельности движения стало провозглашение хорватским Сабором в 1847 г. хорватского языка в качестве официального на территории Банской Хорватии и Славонии.

Во время буржуазной революции 1848–1849 г., охватившей всю Западную и Центральную Европу мы выделяем начало *второго этапа* развития хорватской национальной идеи. Участники революционных событий выдвинули социально-экономические требования (уничтожение феодальной системы, как в политике, так и в экономике) и национальный вопрос (прежде всего итальянский и венгерский). Венгерские лидеры отстаивали принцип «единого венгерского политического народа», не учитывая интересы других народов Империи. Поэтому Хорватия встала на сторону Габсбургов за сохранение целостности Австрийской империи, против стремления Венгрии обрести независимость. Сначала хорваты пытались договориться с венграми о создании Триединого королевства, однако переговоры провалились. Фактически, произошло столкновение двух национальных движений — венгерского, выступавшего за централизм, и хорватского с планами собственной автономии. Революционные события в Австрийской империи стали условиями, в которых у хорватов вновь появилась возможность озвучить свои национальные интересы.

В революционные годы в Хорватии активно обсуждалось возможное федеративное переустройство Австрийской империи. Началась борьба хорватов за автономию в рамках Габсбургской монархии. В этом направлении были сделаны конкретные шаги: хорваты провели заседания первого в истории Хорватии выборного Сабора (раньше он был сословно-представительным органом), а также создали собственное национальное правительство. При правительстве были сформированы отделы: внешних и внутренних дел, финансовый,

торговый и военный — фактически самостоятельные министерства. В 1848 г. баном Хорватии стал полковник барон Йосип Елачич, ставший инициатором разрыва отношений с Венгрией, а позже возглавивший военные действия против венгерского восстания. Придя к власти, Й. Елачич сформулировал хорватскую политическую программу («Требования народа»), которая включала пункты: объединение хорватских земель в Триединое королевство; политическая самостоятельность в отношении с Венгрией; создание хорватской национальной армии; употребление хорватского языка в образовании и администрации; выборный характер хорватского Сабора; политические свободы⁴. Эти требования были удовлетворены лишь частично. Хорватский язык был введен в общественную и политическую жизнь хорватских земель и, в целом, было ослаблено венгерское влияние. Революционные события 1948–1949 гг. для хорватов закончились разочарованием. Австрийские власти не оценили их помощи в подавлении венгерского восстания. Задачи получения автономии и создания Триединого королевства решены не были. Однако хорваты получили богатый опыт политической борьбы, который использовали в дальнейшем.

После революции хорватские политические силы разделились в отношении будущего пути Хорватии. Унионисты в ходе революции потерпели сокрушительное поражение, но сумели сохранить свою партию. Народная партия раскололась на демократов — республиканцев и либералов — монархистов. Разочарование и растерянность в хорватских политических кругах снова сделало актуальным культурный аспект в развитии хорватской национальной идеи. Л. Гай заявил в одной из своих статей, что важнее создать языковое, литературное и культурное единство всех славян, а политическое объединение отложить на будущее. В 1850 г. в подтверждение этой идеи хорватские и сербские филологи в Вене заключили договор, по которому приняли реформу В. Караджича, заложив тем самым основы развития единого сербскохорватского языка и литературы на основе штокавского наречия.

Политика Австрийской империи в 60-е гг. XIX века, ставившая своей целью большую централизацию страны, вызвала резкий протест части населения Хорватии. Она не соответствовала хорватским национальным интересам. В начале 1860-х гг. мы отмечаем начало *третьего этапа* развития хорватской национальной

идеи. Его отличительной особенностью стал переход от задачи создания автономии к созданию независимого государства. В Хорватии окончательно сформировались и приступили к разработке своих программ политические партии. Каждая из них строила планы, обосновывала и отстаивала разные варианты дальнейшего развития в рамках Австрийской империи. Либеральное крыло хорватской политической элиты, представители Народной партии (народняки) во главе с джаковским архиепископом И. Штросмайером и каноником Ф. Рачки, стали идеологами нового направления в хорватском национальном движении — югославизма. Продолжая традиции «иллиризма», они предложили новую концепцию — союз с югославянскими народами империи — сербами и словенцами. Единение должно было происходить, прежде всего, на основе культурного и политического сотрудничества. Но, прежде чем объединиться с другими славянскими народами, хорватские югослависты считали нужным укрепить свою национальность и государственность. Их отношение к межнациональным отношениям звучало: «Нет народов, предназначенных править другими. Любой народ имеет право бросить под ноги договор его поработивший»⁵. Тем самым, югослависты оставляли за собой право при возникновении неблагоприятных с их точки зрения условий в каком-либо государстве выйти из него.

Вторую позицию представляла Партия унионистов или мадяронов, состоявшая из крупных славонских помещиков, лидером которых являлся барон Л. Раух. Они выступали за союз с Венгрией.

На хорватской политической сцене появляются новые силы, выступавшие за самостоятельность Хорватии. Третью позицию озвучили молодые юристы А. Старчевич и Э. Кватерник, создавшие Партию хорватского государственного права (праваши). Они выдвинули требование полного суверенитета объединенного Хорватского королевства на основе «хорватского государственного исторического права», которое заключалось в том, что существовавшее в Средние века хорватское государство дает им право вернуть утраченную самостоятельность. А. Старчевич уверял, что хорваты никогда не отказывались от своего суверенитета, а просто передали его на время венгерской династии. Он утверждал: «Пока нация желает оставаться нацией, она будет бороться за свою самостоятельность и независимость»⁶.

Праваша отвергли венский литературный договор 1850 г. и в дальнейшем активно противостояли любым югославянским программам. Они отстаивали тезис о том, что все югославы являются хорватами. Их активная политическая деятельность началась в начале 1860-х гг., когда А. Старчевич и Э. Кватерник выступили в Саборе с требованием полной государственной независимости Хорватии. Они активно пропагандировали идею «Великой Хорватии», включающей сербские земли, Словению, Боснию. Именно в этот период в 60-х гг. XIX в. был сформулирован тезис Хорватской Партии Права, вошедший в основу всех последующих хорватских национальных программ: «Все земли, принадлежащие хорватам по историческому, государственному и собственному национальному праву, объединить в единое целое»⁷.

В 1863 г. периодическое издание Народной партии «Позор» констатировало, что «за небольшим исключением люди, ранее поддерживающие «иллиризм», примкнули к «хорватизму», ибо с помощью нехорватского этнонима нового дома не построить, а фундамент старого был бы разрушен»⁸. Тезис о наличии особой хорватской этнической общности стал доминирующим в общественном сознании католического населения — сначала в Банской Хорватии, а затем в Славонии, Далмации, Истрии, а в начале XX в. и в Боснии и Герцеговине.

Для Партии права была характерна пропаганда превосходства хорватской нации. Сербобобия, как отличительная черта идеологии правашей, позволяет определить ее как националистическую. В 1871 г. Э. Кватерник попытался осуществить тактику вооруженного сопротивления режиму, возглавив восстание на территории Военной границы. Его целью было создание независимого хорватского государства. Он рассчитывал на поддержку сербского населения, но не получил ее. В ходе восстания Э. Кватерник был убит, а его единомышленники арестованы. После этих событий в Банской Хорватии начались репрессии. И после этого вплоть до начала XX в. вопрос хорватской государственности не поднимался.

В 1867 г. между Австрией и Венгрией было заключено Соглашение о создании дуалистического государства. По первому австро-венгерскому Соглашению 1867 г., трансформирующему Австрийскую монархию в Австро-Венгрию, югославянские земли были поделены между Австрией и Венгрией: в состав Австрии (Цислейтании) вошли — Далмация, словенские земли (Горица, Штирия, Каринтия, Крайна), Истрия, Триест и Военная граница; в состав Венгрии

(Транслейтании) — Воеводина (Бачка, Банат, Бараня), Хорватия, Славония, Срем, Междумурье и порт Фиуме (Риека). Австро-венгерское Соглашение было воспринято в хорватских политических кругах негативно. Хорватский Сабор выразил протест в адрес императора, после чего был распущен. В 1868 г. после победы на выборах в Сабор сторонников союза с Венгрией, начались переговоры о новом государственном образовании.

По второму, венгерско-хорватскому Соглашению 1868 г., Хорватия и Славония фактически превращались в составную часть короны св. Стефана, разделяющуюся на Гражданскую Хорватию (Банская Хорватия), состоящую из трех округов (Загребский, Вараждинский и Крижевацкий) и Гражданскую Славонию, также состоящую из трех округов с центрами в городах Вировитица, Пожега и Осиек⁹. Хорватские территории сохраняли очень скромные атрибуты государственности: территорию, границы и, на местном уровне, законодательство и управление внутренними делами. Автономные права Хорватии и Славонии выражались в том, что главой правительства Хорватии являлся бан, назначаемый императором по представлению венгерского премьер-министра. Бан мог обращаться к австрийскому императору только при посредничестве венгерского министра по хорватским делам. Хорватия и Славония были практически полностью исключены из участия в законодательных и исполнительных органах власти Австрийской империи: в состав венгерской делегации (60 депутатов) в имперский парламент — Рейхсрат — входили только 5 депутатов от Хорватии и Славонии, причем избирал их не сабор Банской Хорватии, а венгерский парламент. Хорватский сабор должен был без обсуждения принимать все законопроекты венгерского парламента. Исполнительной властью для Хорватии являлись венгерские министерства, полностью контролировавшие хорватскую экономику. Статья 52 австрийской Конституции власть бана определяла как исключительно гражданскую (т. е. она не могла соединяться с военной властью). На протяжении второй половины XIX — начала XX в. входившие в состав владений Короны св. Стефана славянские земли все больше превращались в венгерскую колонию. Несмотря на ряд народных волнений (в Кривошеях 1869 г., Раковцах 1871 г. и в Хорватии в 1883 г.) в целом дуализм представлял собой прочную систему с эффективным политическим механизмом.

В ведении Хорватии оставались общественная безопасность, здравоохранение, общественные работы, строительство, учреждения культуры, церковные и школьные дела, а также судопроизводство. Вопросы национального объединения и государственной самостоятельности решены не были. Поэтому Хорвато-венгерское соглашение не поддержали ни Народная партия, ни Партия права. На предложения хорватских политиков из Банской Хорватии объединиться с Далмацией, последняя заявила о планах собственной автономии.

Военная граница объединилась с Хорватией и Славонией в венгерскую административно-территориальную единицу — Королевство Хорватия и Славония. Таким образом, после ликвидации Военной границы Королевство Хорватия и Славония было расширено на значительную часть сербского пространства, поскольку в середине XIX в. население этих территорий, в совокупности насчитывающее примерно 673 000 человек, на 90 % состояло из сербов.¹⁰ В самих Хорватии и Славонии хорватский характер населения в славонской и сремской частях был также выражен слабо. Область Воеводина состояла из Бачки, Баната, Барани и Срема. Сербско-хорватский спор вокруг территории Срема начался еще в XVIII в., когда в 1745 г. была оформлена Сремская жупания как часть Хорватии и Славонии. Сербские претензии на эту землю, учитывая крайне смешанную структуру ее населения и, особенно, различный в национальном отношении состав католиков, встречали сакраментальный ответ хорватов: «ваши желания — наши желания, наши желания — ваши желания. То есть сербы хотят Срем, и хорваты хотят Срем»¹¹.

В 1890 г. население Загреба составляло 40 000 человек, из которых четверть приходилась на иностранцев, в первую очередь, немцев. Немецкий язык был доминирующим в употреблении даже на бытовом уровне семей, не являющихся по происхождению немцами. Осиек являлся городом, подвергшимся сильнейшей германизации, Риека — мадьяризации и италинизации. Одновременно число сербского населения уменьшалось: от трети населения в 1880 г. до четверти в 1890 г. В 1890 г. население Хорватии и Славонии составляло 1 841 000 человек, в 1910 г. — более 2 600 000, из них римокатоликов различного национального состава было 1 863 847 (с 1869 по 1910 г. отмечается значительное увеличение католического населения на 600 000 человек), римокатоликов-славян (сербов, буневцев, шокцев и хорватов) — 1 550 000, православных — 649 453 человека. В результате

проведения баном Куэном-Хердервари (1883–1903) политики мадьяризации хорватов, сербов и словенцев произошло значительное увеличение венгерского населения: если по переписи 1880 г. венгров насчитывалось 41 417, 1890 г. — 68 794, 1900 г. — 90 180, то в 1910 г. — уже 103 000 человек¹².

С окончательным присоединением Военной границы в 1881 г. в Банской Хорватии выросло число сербского православного населения. Его активное участие в политической и культурной жизни способствовало усилению римокатолического клерикализма и национализма. С этого времени в хорватской национальной идее появился вопрос межнациональных отношений.

Более успешно хорватская национальная идея реализовалась в области образования, науки и культуры. Развитию хорватского языка способствовало основание в 1866 г. Академии наук в Загребе (Югославянская академия наук и искусств), а в 1874 г. открытие университета в Загребе — первого у югославян. Одновременно были созданы многочисленные просветительские, культурные и спортивные организации.

К концу XIX в. многие хорватские политические деятели стали сомневаться, что смогут воссоздать государство своими силами. Идеи «иллиризма» о создании единого народа с общим языком и культурой и последующим их объединением становились все более популярными. На политической сцене появляются новые сильные политические организации. Из состава Народной партии выходит в 1873 г. Самостоятельная партия («самосталцы»). Оживлению политической жизни способствовало требование Будапешта всем чиновникам Королевства знать венгерский язык. Часть депутатов хорватского Сабора выступила с протестом, усматривая в этих действиях очередную попытку мадьяризации хорватских земель. Народная партия реагировала на действия венгерских властей достаточно сдержанно. Группа во главе с М. Мразовичем не поддержала позицию коллег и вышла из состава партии, основав Независимую народную партию. Новая партия потребовала для хорватских земель финансовую самостоятельность и объединение всех территорий с хорватским населением. К ним примкнули И. Штросмайер и Ф. Рачки. Партия права А. Старчевича продолжала выступать с критикой власти Габсбургов. Однако, после арестов руководства партии в середине 1880-х гг., она заняла умеренные позиции. В 1895 г. от партии Права

отделилась Чистая партия права во главе с идеологом крайнего хорватского национализма Иосипом Франком (франковцы). Партия вела антисербскую и антисемитскую пропаганду, призывая к погромам. Ее программа предусматривала реорганизацию империи Габсбургов на основе триализма, то есть выделение австрийской, венгерской и югославянской составляющих.

Для большей части хорватских политических сил на этом этапе характерны требования: защита национального языка, территориальное единство и самостоятельность (полная или ограниченная) в рамках Австро-Венгрии.

Четвертый этап в развитии хорватской национальной идеи можно отнести к первой трети XX в. Идея югославянской взаимности набирала силу, поэтому идея хорватской государственности стояла перед трудным выбором: или приспособиться к историческим условиям и вобрать в себя новые идеи и планы, или усилить отстаивание идей независимости, сделать их привлекательными в программах политических партий.

В Банской Хорватии в это время усиливается национальный характер политических процессов. Так, в 1904 г. создается новая партия — Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП) во главе с братьями Антуном и Степаном Радичами. Партия выступала за создание независимой Хорватии, которая, прежде всего, должна была стать «крестьянским государством» и развиваться по аграрному пути. Эта партия стала самой массовой в Хорватии. Кроме того, Радичи одной из приоритетных задач своей партии поставили право Хорватии на территории БиГ, которую Австро-Венгрия аннексировала в 1908 г. Они рассчитывали, что произойдет новое деление страны на автономные земли со свободой национальных культур.

Это было трудное время для политического выбора отдельных партий и движений. В Австро-Венгрии усиливались процессы консолидации югославянских народов. Кульминацией хорвато-сербского единения в Австро-Венгрии стали Риекская (3 октября 1905 г.) и Задарская (17 октября 1905 г.) резолюции, в которых была выражена идея совместной борьбы хорватской и сербской нации за свое освобождение, стремление к противодействию германской экспансии на Юго-востоке Европы. Авторы обеих резолюций, исходя из государственно-правового положения и исторических судеб хорватов и сербов, четко сформулировали принцип самоопределения «своих»

наций. Хорватские либералы подразумевали под этим «право каждой нации свободно и независимо определять условия своего существования и решать свою судьбу». В конкретных исторических условиях не имели в виду частичное политическое объединение этнических хорватских территорий в границах монархии. Сербские представители в свою очередь высказывались в поддержку «стремления каждой нации самой определять свое бытие и решать свою судьбу». Они полагали, что обретение Венгрией государственной самостоятельности в полном объеме сделает возможным соглашение мадьярской нации с невенгерскими народами королевства, в первую очередь с сербами. Условием поддержки хорватских национальных требований являлось признание с их стороны равноправия хорватов и сербов.¹³

Еще одним шагом к единению хорватов и сербов стало формирование в октябре — декабре 1905 г. Хорватско-сербской коалиции (ХСК) во главе с лидером Сербской народной независимой партии С. Прибичевичем. В новое политическое образование вошли Хорватская партия права и Хорватская прогрессивная партия, а также Сербская независимая партия и Сербская радикальная партия. Коалиция выступала за сохранение системы дуализма Австро-венгерской монархии при проведении ряда реформ, за национальное самоопределение. Решение хорватско-сербских разногласий было названо «одним из условий нормального развития национальной жизни».

Непримиримым противником Хорватско-сербской коалиции стала Чистая партия права. Она обвинила коалицию в сотрудничестве с Сербией и попытках отторгнуть хорватские земли от Габсбургской империи и объединить их в одно государство во главе с Сербией. Подобные настроения преобладали и в партии С. Радича. Их также не устроило и сотрудничество с венграми. Партия права Миле Старчевича, отделившаяся от франковцев в 1908 г., выступала за хорватское государство или в составе империи, или вне ее.

Клерикальные партии (Христианско-социальная партия права и франковцы) считали самой важной задачей объединение Хорватии со Словенией и создание, таким образом, Великой Хорватии на католической основе. Такая Хорватия мыслилась в отличие от идей коалиции как база экспансии Австрийской империи на Балканах. Словенских и хорватских клерикалов поддерживали австронемецкие христианские социалисты, одна из опор великоавстрийских кругов.

Это был еще один вариант триалистической идеи, которая была неприемлема для сербов Австро-Венгрии.

Попытки венгерских и австрийских властей в союзе с франковцами разжечь межнациональные споры, разрушить Хорватско-сербскую коалицию не удалось. Но накануне Первой мировой войны в ХСК возникла напряженность. Сербь Австро-Венгрии выразили поддержку Королевству Сербия. Представители хорватов разделились. Поддержавшие возможное объединение с Сербией, подверглись нападкам со стороны тех, кто стремился к созданию независимой Хорватии. Из планов коалиции по объединению сербского и хорватского народов оставалось неясно, шла речь о двух нациях или об одной с двумя наименованиями. Многие хорватские политики в составе коалиции в связи с этим опасались, что сербы могут в будущем поставить вопрос о разделении хорватских территорий на две самостоятельные части хорватскую и сербскую. Территориальные разногласия по Боснии, на территории со смешанным населением претендовали и сербы и хорваты, а также религиозный аспект (православие и католицизм) создателями этой коалиции с обеих сторон намеренно замалчивались. Ее участники считали, что сербы и хорваты преодолеют разногласия перед лицом внешней угрозы.

В таких трудных политических условиях формировались и укреплялись как идеи югославизма, так и идеи хорватской государственности. Все большую популярность завоевывала идея создания федерации или конфедерации югославянских народов. Перед угрозой венгерского и австрийского наступления на автономные права других народов большинство партий Банской Хорватии, Славонии и Далмации пришли к выводу о необходимости объединения политических усилий. Этот процесс получил название «политики нового курса», его возглавили хорваты из Далмации Ф. Супило и А. Трумбич.

К 1915 г. идеология Чистой партии права стала менее радикальной. Ее члены все чаще шли на сотрудничество с представителями идей югославизма и даже выступали с собственными инициативами в этом направлении. Так, депутаты Сабора от правашей из Истрии и Далмации выступили с требованием об объединении и самоопределении югославян. Этот пункт депутатами хорватского Сабора был принят единогласно. Партия права также поддержала требование основанного в Лондоне Югославянского комитета, политической организации югославянских эмигрантов из Хорватии, Славонии, Дал-

мации, Боснии, во главе с А. Трумбичем об отделении хорватских земель от империи Габсбургов.

Между югославистами и правашами возникли разногласия по вопросу о будущем государственном образовании. А. Трумбич уговаривал А. Старчевича отказаться от идеи независимости, так как она, по его мнению, была нереальной. Лучшим решением для хорватов М. Трумбич считал объединение с Сербией, которая бы гарантировала в будущем государстве всем народам равноправие. При этом Югославянский комитет видел во главе нового объединения Хорватию, как «главного культурного центра югославян Австро-Венгрии»¹⁴. Это, по его мнению, являлось главным залогом будущего хорватского лидерства и влияния.

Славяне австрийской части Габсбургской империи (Словения, Истрия и Далмация) сформировали Югославянский клуб, который возглавил представитель клерикальных кругов А. Корощец. Клуб разработал свой план будущего славянских народов Австро-Венгрии, получивший название Майская декларация. В этом документе говорилось об объединении славянских земель в одну самостоятельную территориальную единицу в составе Габсбургской империи. В основу объединения была заложена идея триализма. В Хорватии эту идею поддержала партия Права А. Старчевича, франковцы и клерикалы во главе с архиепископом И. Штадлером и епископом А. Махничем.

В ответ на Майскую декларацию в июле 1917 г. на острове Корфу председателем министерского совета Сербии Н. Пашичем и председателем Югославянского комитета А. Трумбичем была подписана Декларация о принципах создания единого государства в составе Сербии и югославянских областей Австро-Венгрии. Согласно этому документу было решено создать «свободное государство сербов, хорватов и словенцев, независимое королевство с единой территорией и единым гражданством. Это государство будет конституционной, демократической парламентской монархией с династией Карагеоргиевичей во главе»¹⁵. В данном проекте, изначально, ни о какой федерации речи не шло.

В условиях распада Австро-Венгрии в Загребе политическими партиями Хорватии, Словении, Истрии и Далмации 5–6 октября 1918 г. было создано Народное вече словенцев, хорватов и сербов, как орган власти для объединения этих народов в суверенное

государство. 29 октября Хорватский сабор объявил о разрыве отношений с Австро-Венгрией и о создании самостоятельного Государства словенцев, хорватов и сербов. Одновременно сообщалось, что Далмация, Хорватия, Славония и Риека создают общее национальное суверенное государство. Это событие стало реальным воплощением хорватской национальной идеи, к которой хорваты стремились с середины XIX в. Верховным органом власти нового государственного образования стало Народное вече в Загребе во главе с А. Корошецем, заместителем стал С. Прибичевич. Это государство просуществовало только месяц. Из всех политических партий его не поддержали только франковцы, выступающие за Великую Хорватию в составе Габсбургской империи. Продолжавшиеся революционные выступления, оккупация Италией прибрежных районов Далмации, отсутствие собственных вооруженных сил, массовое возвращение военнослужащих с фронта создавали хаос в новом государстве. Население требовало наведение порядка. Все это привело к тому, что большая часть ведущих политических партий Далмации и БиГ решилась на объединение с Сербией.

Хорватские политические силы разделились по вопросу будущего Хорватии. Хорвато-сербская коалиция отстаивала централистское устройство и полное слияние территорий с большинством хорватского населения. Партия права А. Старчевича защищала идею федерализации. Югославянский комитет попытался заручиться гарантиями равноправия в будущем государстве. На Женевском совещании (6–9 ноября 1918 г.) представители Народного Веча и Комитета добились согласия Н. Пашича на создание общего кабинета для ведения военно-политических дел в составе представителей обеих сторон. Согласно принятой Декларации учреждалось общее министерство сербов, хорватов и словенцев, при этом сохранялось «правительство королевства Сербии» и «Народное вече в Загребе» для управления всеми внутренними делами. По мнению российского историка А. Л. Шемякина, это был тактический шаг со стороны Н. Пашича¹⁶. Тем самым создавалась видимость равноправия в будущем общем государстве. Декларацию не поддержало сербское правительство и большинство Народного веча, где преобладали члены Хорвато-сербской коалиции.

24 ноября 1918 г. Народное вече в Загребе приняло решение об объединении Государства словенцев, хорватов и сербов с Коро-

леством Сербия. Против объединения выступила Хорватская крестьянская партия во главе со С. Радичем, которую поддержало сербское население Хорватии. Позднее участник переговоров с Сербией А. Павелич вспоминал: «Перед нами стояла дилемма: либо сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо присоединиться к Сербии. Бачка, Банат, Срем, Далмация и Славония, БиГ были за объединение. Что нам оставалось делать? Нам нельзя было идти на раздел территорий, как того хотели сербы Срема. Это могло вызвать гражданскую войну. Мы составили адрес, где содержались требования, чтобы монархия стала такой же свободной, как республика, и чтобы хорваты получили равные права с сербами»¹⁷. Переговоры Хорватии перед присоединением показывают, что шла она в состав Югославии со своими условиями, требованиями и представлениями о роли в будущем государстве.

Король Александр Карагеоргиевич не захотел менять характер своего государства. Славянские земли бывшей Австро-Венгрии вошли в состав Югославии на его условиях. Не успело появиться новое государство Королевство сербов, хорватов и словенцев, как по хорватским городам прокатилась волна манифестаций под лозунгом: «Да здравствует самостоятельная Хорватия!»¹⁸. Новое государство не приняли ни франковцы, ни Хорватская Крестьянская партия С. Радича. Бан Хорватии был ограничен в своих правах, а компетенции областных правительств Хорватии, Словении, Далмации, БиГ урезаны. Ситуация еще больше осложнилась после того, как был издан закон «О защите общественной безопасности и порядка в государстве» (2 августа 1921 г.). Предлогом для издания этого закона послужили террористические акты против принца-регента Александра и министра внутренних дел М. Драшковича. Закон серьезно ограничил общественную и политическую жизнь в стране.

С середины 1920-х до конца 1930-х гг. мы выделяем *пятый этап* в истории развития хорватской национальной идеи. Хорватские земли становятся центром борьбы за федерализм. В январе 1922 г. С. Радич обратился к мировой общественности. Апеллируя «правом нации на самоопределение», он подверг критике политику Белграда и настаивал на создании хорватского государства в рамках конфедерации. Поддержки он не получил. Европейские державы не были заинтересованы в разрушении Югославии. Как мы видим, противоречия

между хорватами и сербами обозначились уже в самом начале существования их в едином государственном образовании.

Согласно Конституции 1921 г., было провозглашено унитарное монархическое государство. В ответ на действия властей Хорватская народная крестьянская партия была переименована в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), целью которой было создание Хорватской крестьянской республики без применения противозаконных методов. Однако на заседании скупщины 20 июня 1928 г. произошли трагические события, когда в результате конфликта были ранены несколько депутатов, и один из них (лидер ХРКП С. Радич), вскоре умер. Это происшествие вызвало всплеск национализма и шовинизма в Хорватии. Король Александр объявил чрезвычайное положение в стране, распустил Скупщину. В январе 1929 г. были запрещены все политические партии.

Демонстрируя существование в Югославии парламентаризма, король Александр провозгласил в 1931 г. новую, так называемую Октроированную конституцию («дарованную сверху»). Она предусматривала создание выборного двухпалатного парламента, состоящего из Народной скупщины и Сената. Половина членов Сената назначалась королем. Правительство несло ответственность также перед королем, а не перед Сенатом или Народной скупщиной. Согласно новой Конституции, было запрещено основание партий по национальному или религиозному признаку. Однако новому лидеру Хорватской крестьянской партии (ХКП) В. Мачеку удалось сохранить политическое влияние своей партии, которая пользовалась широкой поддержкой хорватского общества

В 1930-е гг. в стране установилась военно-монархическая диктатура короля Александра, по сути, абсолютистская власть. По Конституции 1931 г. все ее территории были поделены на 5 административных единиц — бановин, которые не учитывали национальную специфику. Монархический режим не решал национальные проблемы, чем вызывал рост оппозиционных настроений и возникновение антисербских движений. В конце 1930-х гг. в ходе становления усташеского движения всплыл вопрос национального литературного языка. Ряд хорватских филологов выступили против «сербизации» хорватского языка.

Еще одной политической силой, отстаивавшей национальные интересы хорватов, стала Хорватская партия права (ХПП), воссозданная

в конце 1918 г. во главе с адвокатом А. Павеличем. Она ставила своей целью сохранение национальной самобытности и государственной самостоятельности хорватского народа. ХПП поддерживал немногочисленный электорат, состоящий из националистически настроенных хорватских интеллектуалов. А. Павелич критиковал югославизм и пропагандировал хорватское государство на основе «принципа хорватского исторического права». В 1928 г. им была создана боевая организация «Хорватский домобран», осуществившая несколько террористических актов. После введения в Югославии в январе 1929 г. чрезвычайного положения, А. Павелич эмигрировал. За границей он наладил связи с Партией чистого права И. Франка.

Усташская организация, которую возглавил А. Павелич, ведет свое начало с 1932 г., когда начала выходить газета «Усташа» («Повстанец»). А Павелич и его сторонники называли себя «хорватским революционным движением» или «освободительным движением», подчеркивая свою массовость и отрицая террористическую направленность. Согласно разработанному организацией «Уставу», в задачи усташей входила борьба любыми средствами «во имя освобождения Хорватии из-под иноземного ярма за создание полностью самостоятельного и независимого хорватского государства»¹⁹.

Идеология усташеского движения унаследовала идеи Хорватской партии права. Самым важным в ней был тезис о самобытности хорватского народа. Он включал в себя утверждение о неизменности самоназвания «хорваты», что означало отрицание идей югославизма и непризнание Югославии своим государством. Называть хорватов югославами, по мнению усташей, означало подменять одну идентичность другой. Хорватские усташеские идеологи отстаивали тезис о неславянском происхождении хорватов. Из этого утверждения проистекало противопоставление хорватов другим югославянским народам. В годы существования Независимого государства Хорватии (1941–1945 гг.) оно вылилось в геноцид над сербами. основополагающий принцип национальной политики усташей гласил: «Принимать решение в государственных и народных делах в самостоятельном и независимом государстве Хорватии не может никто, кто по происхождению и по крови — не член хорватского народа»²⁰.

Центром усташеской деятельности стала Германия, помощь так же оказали Италия и Венгрия, претендовавшие на территории Югославии. За границей создавались лагеря для подготовки диверсионных групп.

Обращения в Лигу наций с описаниями плачевного положения хорватского народа в Югославии результатов не дали, и усташа все чаще стали применять методы вооруженной борьбы. В усташеской листовке 1937 г. говорилось, что «цели можно достичь только вооруженной борьбой», переговоры, соглашения и компромиссы с Белградом отвергались в принципе²¹. В 1934 г. усташа участвовали в убийстве короля Александра. После этого деятельность усташеский лагерей за границей была свернута. Вплоть до начала Второй мировой войны усташа вели переговоры с Италией, больше не обращаясь к мировой общественности.

В 1930-е гг. активно подогревало националистические настроения в республике хорватское католическое духовенство. Многие католические монастыри служили местом собраний усташей. Иезуитские и францисканские гимназии, а также Геологический факультет Загребского университета готовили усташеские кадры.

Высшей точкой развития хорватской национальной идеи на этом этапе стала попытка 29 августа 1939 г. осуществить федерализацию Югославии. Главой Сербского правительства Д. Цветковичем и лидером Хорватской крестьянской партии В. Мачеком было подписано Соглашение о создании Бановины Хорватия. Ее территория охватывала большую часть исторически сложившихся хорватских регионов, которые включали в себя земли с преимущественно хорватским населением. Это был кратковременный, но серьезный прецедент, благодаря которому Хорватия впоследствии неоднократно поднимала вопрос о ранее принадлежавших ей территориях. Хорваты получили также широкие права самоуправления, своего правителя и парламент. По сути, это Соглашение означало раздел Югославии на сербскую и хорватскую автономии. Однако начало Второй мировой войны положило конец процессу формирования нового государственного образования в рамках Югославии.

Одновременно в рамках хорватской национальной идеи разрабатывались новые цели и задачи. Расширение прав в рамках Югославии уже казалось национальным лидерам лишь этапом на пути к созданию независимого государства. Параллельно В. Мачек вел секретные переговоры с Италией о помощи хорватскому восстанию, если Хорватская крестьянская партия его поднимет²². Создание собственной военизированной организации — «Хорватской крестьянской и гражданской самообороны» и переговоры с Италией были призваны показать югославским властям серьезность намерений хорватов

обрести самостоятельность. В случае обострения ситуации не исключалось непосредственное использование этих возможностей.

Пятый этап (1941–1945 гг.) приходится на Вторую мировую войну. В это время в Хорватии осуществился самый радикальный, националистический вариант хорватской национальной идеи — было создано профашистское Независимое государство Хорватия (НГХ).

В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована Германией. На территории Хорватии было провозглашено Независимое государство Хорватия во главе с А. Павеличем, в которое летом 1941 г. были включены БиГ, часть Далмации и Срем. Границы НГХ были определены в соответствии с договорами, заключенными с Германией и Италией в мае 1941 г. Восточная часть страны считалась германской, западная — итальянской. Таким образом, несмотря на пафосные заявления в годы войны о независимости и единстве Хорватии, земли оказались снова разделены на сферы влияния союзников. А, учитывая развернувшееся партизанское движение, существование территорий неподконтрольных властям НГХ, то и единство страны было весьма условным.

В политическом плане за поддержку, которую усташам оказала Италия, так же пришлось платить. 15 мая А. Павелич официально предложил хорватскую корону одному из представителей Савойской династии. Этот шаг объяснялся средневековой хорватской традицией, но, на самом деле, означал, что Хорватия в очередной раз в своей истории получила лишь формальную самостоятельность. Стараясь следовать хорватским национальным идеалам, усташами в феврале 1942 г. был учрежден так называемый Хорватский государственный Сабор, но представительным органом он так и не стал. Его использовали в пропагандистских целях.

С первых дней войны усташаи проводили политику дискриминации в отношении представителей сербского народа. Для них был введен запрет на службу в армии, закрыты православные школы, введен комендантский час, ограничена свобода передвижения. Все сербское население должно было носить отличительные повязки. Министром просвещения НГХ М. Будаком была озвучена формула в отношении сербского населения: «Одну часть сербов мы уничтожим, другую выслем, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них»²³.

Вслед за А. Старчевичем усташи повторили тезис о принадлежности к хорватской нации боснийских мусульман. Симпатии к исламу были связаны с территориальными претензиями Хорватии, а также с желанием видеть босанцев в качестве своих союзников. Осенью 1941 г. в Загребе началось строительство мечети. Вскоре боснийские мусульмане поставили вопрос о статусе мусульманской религии в Независимом государстве Хорватии. Уже в июле 1941 г. А. Павеличу был передан «Проект исламского закона и устава», но принят он так не был, поскольку инициативы в области религии были тесно связаны с планами боснийских мусульман по созданию своей особой автономии под протекторатом Германии.

Католическая церковь занимала привилегированное положение в НГХ и не хотела его уступать. Когда в 1941 г. усташи пришли к власти в Хорватии, первыми их поддержали влиятельное католическое духовенство и многочисленные молодежные католические организации. Однако Ватикан занял по отношению к усташескому режиму осторожную позицию, так и не признав Хорватию независимым государством.

Иное отношение было в НГХ к православию. Стремясь к хорватскому моноэтничному государству, усташи в качестве метода ассимиляции сербского населения осуществляли обращение православных сербов в католицизм. Идеологи усташества уверяли, что сербы являются теми же хорватами, и их нужно только вернуть к «дедовской» (католической) вере. Развязанный в годы войны террор против сербов, насильственное обращение в католицизм, массовые убийства мирных жителей, насильственные депортации спровоцировали активное движение сопротивления. Чтобы успокоить православное население была создана марионеточная Хорватская православная церковь. Тем самым населению давалось понять, что против самого православия власти ничего не имели. Новая церковная организация загонялась в узкие национальные рамки с целью вытеснить с хорватских территорий влияние Сербской православной церкви.

А. Павелич наряду с другими законами НГХ принял «Постановление о хорватском служебном языке». Усташеский лидер активно «чистил» тогда хорватский язык от сербизмов и уверял, что это два различных языка. Использование кириллицы было запрещено. Снова был поднят вопрос об исключительности хорватского языка, который является «достоянием хорватского народа». Прежние попытки

создания единого сербскохорватского языка назывались попыткой уничтожить хорватскую самобытность, ассимиляционной политикой. В связи с этим была введена жесткая цензура при составлении учебников. В данном случае вопрос языка являлся элементом националистической политики.

В усташеском Независимом государстве Хорватии за годы войны ее руководству не удалось создать жизнеспособную регулируемое государством экономическую систему. Попытка милитаризовать экономику провалилась. Под контроль было поставлено имущество сербов и евреев, хорватскую собственность не тронули. В результате разрастания партизанского движения, отдельные части страны вообще вышли из-под контроля усташей.

В ходе упорных боев Народной Освободительной Армии Югославии и частей Красной Армии и армии Болгарии 15 мая 1945 г. Независимое государство Хорватия прекратило свое существование. Однако на его территории еще оставались очаги сопротивления. Эти группы называли себя «крижарами» (крестоносцами). Они боролись против новой власти самостоятельно. Вскоре эмигрировавшие на Запад и в США в конце войны усташа наладили с ними связь, планируя использовать эти силы для внедрения в страну диверсионных групп. Эмигрантское руководство усташеского движения планировало организовать массовое восстание на территории Хорватии. К 1948 г. сопротивление «крижаров» было подавлено, попытки проникновения на территорию Югославии пресечены.

После падения НГХ католическая церковь способствовала укрытию военных преступников, делала невозможными их аресты. Любое силовое вмешательство в дела религиозных учреждений было чревато негативной реакцией общественного мнения стран, где были сильны католические круги. Благодаря этой поддержке усташеское движение не было окончательно уничтожено. В новых центрах — Аргентине, Испании, Австралии, ФРГ и других странах — происходило активное становление организационных форм усташеского движения. В 1950-е гг. усташа серьезно модернизировали свою программу. И, прежде всего, планы по созданию хорватского государства «с республиканским способом правления», в котором бы гарантировалась свобода личности и вероисповедания». Усташа понимали, что их прежние националистические позиции не пользовались поддержкой ни внутри страны, ни, тем более, на Западе.

* * *

Таким образом, хорватская национальная идея с момента зарождения в 1830-е гг. прошла несколько этапов. Ее развитие началось с движения «иллиризма» в области культуры, которое постепенно приобрело политический оттенок в плане вовлечения в орбиту интересов своих прав на территории со смешанным населением. Затем хорватская национальная идея проявилась в борьбе за автономию в рамках Австрийской империи в годы революции 1848–1849 гг. В ходе формирования хорватских политических партий в 1860-е гг. можно говорить о появлении элементов будущей национальной политической программы, которая пополнилась задачей создания независимого хорватского государства.

В первой трети XX в. все более популярная идея славянской взаимности разделила хорватское общество на тех, кто пытался адаптировать ее к национальным задачам и тех, кто занимал непримиримую позицию в отстаивании идей независимости. В 1918 г. после падения Австро-Венгрии лишь на месяц хорватам вместе со словенцами и сербами удалось провозгласить независимое государство — Королевство словенцев, хорватов и сербов. Однако в тяжелых послевоенных условиях возобладали тенденции к объединению югославян бывшей Габсбургской монархии с Сербией. Разочарование в Королевстве Югославии, нерешенный национальный вопрос привели к тому, что выразителями хорватской национальной идеи стали экстремистски настроенные круги, использующие методы террора. В 1939 г. хорватам удалось воплотить идею дуализма в рамках Югославии, когда была создана Бановина Хорватия. Однако политические круги Хорватии готовы были идти дальше, вплоть до создания независимого государства. Этой возможностью они воспользовались в годы Второй мировой войны в Независимом государстве Хорватии, созданном Гитлером. Однако полной независимости они не достигли, фактически оставаясь немецким и итальянским протекторатом.

Во время и после окончания Второй мировой войны вновь стали популярными идеи объединения славян. К середине 1940-х гг. хорватами был накоплен богатый опыт существования в многонациональном государстве, борьбы за национальные интересы, пройден путь от автономии до независимого государства. При этом попытка осуществить идею создания этнически чистой «хорватской» территории приняла формы государственного геноцида сербского населения.

Проиграв в двух мировых войнах, но, внося свой вклад в антифашистское освободительное движение, Хорватия сумела войти в состав вновь созданной социалистической Югославии полноправным членом.

Сутью хорватской национальной идеи было: объединение территорий с большинством хорватского населения, закрепление права на использование во всех сферах жизни хорватского литературного языка, достижение политической автономии как этапа к независимому государству. В конкретных исторических условиях она то актуализировалась, то ослабевала, осуществляясь в виде того или иного общественного, идеологического движения. На основе представленного проблемно — хронологического описания мы можем констатировать, что к середине XX в. в хорватской национальной идее сформировалась четкая система взглядов на будущее развитие хорватского народа. Менялись государства, в которые входила Хорватия, трансформировались общественные системы и политические устройства, но национальная идея продолжала существовать и пестоваться хорватскими общественными деятелями разных поколений и судеб.

§2. Итоги развития Хорватии в составе Социалистической Югославии до начала 1960-х гг.

Вхождение Хорватии в состав Социалистической федерации не было простым. Прежде всего, это было связано с тем, что Хорватия во время войны, имея формально статус независимого государства, находилась на стороне фашистской Германии. Отсюда проистекали сложности взаимоотношений с сербским населением, над которым в годы войны совершался невиданный геноцид. Присоединение к социалистической Югославии автоматически означало необходимость осуждения деятельности НГХ и приспособление к новым историческим реалиям.

Особенно трудными были первые послевоенные годы, когда И. Броз Тито обещал союзникам, что продолжит традиции многопартийной системы, поэтому первые выборы в новой стране были многопартийными. Это давало надежду и силам в эмиграции, и в стране выразить свои устремления, придавало уверенности, что хорватское политическое многоголосие будет услышано. В первые послевоенные

годы в Хорватии мы наблюдаем тесное сотрудничество довоенных (так называемых «гражданских») партий и коммунистов. Главной защитницей хорватских национальных интересов традиционно считалась Хорватская крестьянская партия. Лидеры этой партии после войны вели активные переговоры со странами Европы по вопросу будущего государственного образования. Сначала они надеялись на восстановление Соглашения 1939 г. Когда стало очевидно, что это невозможно, к середине 1940-х гг. произошел раскол на тех, кто искал поддержки у западных союзников (ориентация на Запад, независимое государство) и тех, кто выступал за сотрудничество с коммунистами (югославянское единство, федеративное государство). На основе договора между лидером коммунистов И. Броз Тито и лидером Хорватской крестьянской партии (ХКП) И. Шубашичем в 1944 г. временное многопартийное правительство нового государства возглавил И. Броз Тито.

После эмиграции во Францию прежнего лидера Хорватской крестьянской партии В. Мачека авторитет этой партии в республике стал стремительно падать. Во многом этому способствовала пропагандистская компания, инициированная коммунистами против В. Мачека и его сторонников. В противовес ХКП была создана Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП). Это название появилось еще в 1943 г., когда была сделана попытка создать хорватскую партию в Боснии и Герцеговине. ХРКП являлась марионеточной партией под контролем коммунистов для имитации многопартийности. В ней не было даже как такового членства, использовался термин «принадлежности» к партии.

В. Мачек был категорически против сотрудничества в правительстве с коммунистами. В своих интервью он недоумевал: «Я не могу понять, зачем И. Шубашич вошел в правительство И. Броз Тито. Наверное, им дали гарантии соблюдения демократии»²⁴. Его опасения вскоре подтвердились. В октябре 1945 г. члены ХКП в знак протеста против монополизации коммунистами власти вышли из правительства, бойкотировали выборы в Учредительную скупщину в октябре 1945 г. В результате бойкотов и скандалов, а также откровенных подлогов избирательных бюллетеней победу на выборах одержали коммунисты. После заявления В. Мачека о непризнании законности коммунистического руководства, прошли аресты членов этой партии.